



# МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. Н. ТЕРЕНТЬЕВА

## ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОГО БЫТА ЛАТЫШСКОГО КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Изучение семьи и семейного быта латышского колхозного крестьянства является составной частью исследований в области семейного быта народов СССР, начатых несколько лет назад Институтом этнографии АН СССР в порядке координации этой темы с некоторыми республиканскими научно-исследовательскими учреждениями<sup>1</sup>. Автором настоящей статьи проводились в течение ряда лет стационарные исследования по семье в некоторых колхозах Латвийской ССР, по разработанной Институтом типовой программе. В статье преимущественно обобщен материал по группе колхозов Екабпилсского района; для сравнения привлечены некоторые данные, относящиеся и к другим районам.

Исследования латышской крестьянской семьи начаты были с выяснения форм семьи; для этого изучались родословные семей с учетом форм собственности в них, дополнительно привлечен материал, характеризующий особенности расселения. Анализ этих данных показал, что на большей части территории Латвии давно утвердилось малая семья. Восстановить время перехода от большой семьи к малой оказалось крайне трудным, так как в Прибалтике, в силу сложившихся исторических условий, естественный ход этого процесса насильственно нарушался немецкими феодалами. В литературе по этому вопросу также почти нет данных вследствие того, что буржуазные этнографы отрицали наличие большой семьи у латышей и безапелляционно утверждали, что малая семья являлась у них исконной формой.

Проведенные исследования дают все основания утверждать существование в прошлом больших семей и позволяют установить приблизительно период их распада. Процесс этот протекал в Латвии с разной степенью интенсивности. В западных и центральных районах он завершился раньше, в восточных — значительно позднее. Так, в обследованных селениях Екабпилсского района завершение процесса распада больших семей, судя по полевым материалам, относится к середине XVIII в. В отличие от этого в ряде восточных латгальских районов крестьяне нередко жили большими семьями еще и в начале XX в.

Изучался и порядок наследования в семье. На территории Латвии вплоть до коллективизации существовали две формы наследования. Как правило, все имущество отца переходило к одному из сыновей, обычно к старшему; остальные братья получали некоторую, далеко неравную с на-

<sup>1</sup> В декабре 1957 г. Ученым советом Института этнографии АН СССР утвержден к печати первый сборник Трудов Комиссии по изучению семьи и семейного быта народов СССР.

следником денежную компенсацию (у зажиточных крестьян) или вовсе ничего не получали (у неимущих). Обычай наследования с разделом имущества отца между всеми сыновьями, типичный для русского крестьянства, существовал только в Латгалии.

На дочерей право наследования имущества отца не распространялось; их, как и у русских крестьян, обеспечивали лишь приданым. Исключение представляли те случаи, когда в семье не было сыновей. Наследницей отца становилась тогда одна из дочерей, принявшая в дом мужа.

Передача хозяйства в наследство сыну или раздел имущества отца между сыновьями осуществлялся обычно еще при жизни отца; при этом воля и права отца не встречали каких-либо ограничений со стороны других членов семьи. Передавая хозяйство, отец оставлял за собой до смерти известную его долю. Передача имущества оформлялась специальными письменными документами.

Особенности развития прибалтийских губерний в царской России (более ранний, чем во внутренних губерниях, переход к товарно-денежным отношениям, значительно более интенсивное развитие капитализма в сельском хозяйстве, а также господство частной, подворной системы землепользования) повлияли определенным образом на внутренний строй семьи и весь семейный уклад. В отличие от русских крестьян, семейные отношения которых вплоть до 1917 г. зиждились еще в значительной мере на патриархальной основе, среди латышского крестьянства на первый план издавна выступили отношения голого чистогана. В наибольшей степени это проявлялось в группах имущих крестьян.

Чтобы лучше представить обстановку, сложившуюся в латышской деревне в начале XX в., приведем некоторые данные, характеризующие аграрные отношения. В прибалтийских губерниях, в силу особой политики царизма, вплоть до 1917 г. господствовала феодальная земельная собственность привилегированного сословия — немецкого дворянства. В руках помещиков было сосредоточено около половины всех земель — 48,3%, в то время как крестьянам принадлежало лишь 38,5% земель (остальные 13,2% земель составляли собственность государства, городов и церкви)<sup>2</sup>. Латышское крестьянство жестоко страдало от безземелья. Число безземельных крестьян составляло в 1905 г. более 60% всего населения, занятого в сельском хозяйстве. В Курляндской губернии, в состав которой входил Екабпилсский уезд, безземельные крестьяне составляли почти три четверти сельского населения. Из числа крестьян — земельных собственников — около 22% были малоземельными, владели от 2 до 10 га; примерно такое же количество хозяйств владело от 10 до 22 га. Этим мелким и средним собственникам принадлежало лишь около 20% крестьянских земель, в то время как более 80% земель было сосредоточено в руках многоземельных хозяйств (последние составляли 56% к общему числу хозяйств крестьян-землевладельцев). Эти многоземельные хозяйства (от 22 до 100 и более га) были преимущественно кулацкими, систематически применявшими наемный труд<sup>3</sup>.

Жестокая, упорная борьба за землю, за свое хозяйство, за экономическую самостоятельность, которую вынуждены были вести крестьяне, неминуемо сказывалась и в сфере семейных отношений.

Погоня за выгодным браком, за получением большого наследства выступала в этих условиях в самом неприкрытом виде. Отношения между членами семьи складывались в значительной мере в зависимости от того, каковы были права того или иного члена семьи на имущество. Этим определялись взаимоотношения родителей со взрослыми детьми, отношения между братьями и сестрами, мужем и женой, а также отношение в семье к зятю и невестке.

<sup>2</sup> С. А. Удачин, Земельная реформа в Советской Латвии, Рига, 1948, стр. 23.

<sup>3</sup> Там же, стр. 29.

Главой семьи, собственником всего имущества считался отец. Однако власть отца, подчинение ему и уважение к обоим родителям сохранялись обычно лишь до того момента, пока отец не передавал наследства сыну. Тогда отношение взрослых детей, особенно наследника, к родителям резко изменялось, а с наступлением нетрудоспособности последних становилось часто невыносимым. Это породило обычай заключения письменных контрактов между вступившим в наследство сыном и передающим свои права на имущество отцом. В контрактах, условия которых диктовал отец, оговаривались до мельчайших подробностей все права на долю имущества, оставленную за отцом, и обязанности сына по отношению к родителям, а также к младшим братьям и сестрам (если они оставались еще в семье). Для примера приводим выдержку из одного такого контракта.

Контракт заключен 12 мая 1914 г. между крестьянином-середняком Селпилсской волости Мартином Межмалом, передающим наследство, и его сыном Яном Межмалом, вступающим в наследство. В § 3 контракта говорится: «Вступающий в наследство сын обязан ежегодно по день смерти родителей выделять им полное готовое содержание и, кроме того, двадцать пять рублей наличными деньгами, два с половиной пуда свиного мяса, двадцать фунтов вытрепанного льна, особую комнату в жилом доме усадьбы с отоплением и освещением, лошадь с экипажем и человеком для поездок; заботиться о стирке белья и об уходе за ними, в случае их слабости; разрешить им держать одну курицу и предоставлять им свободный доступ во все помещения и ходить по угодьям усадьбы; кроме того, одаренный должен предоставлять Либе Межмал (несовершеннолетней сестре.— Л. Т.) по день смерти ее родителей право проживать в усадьбе Сталан. В случае смерти родителей сын должен приличным образом их похоронить и поставить над их могилой надгробный памятник для каждого, стоимостью в восемьдесят рублей. В случае, если бы супруги Межмал (родители.— Л. Т.) не пожелали получить готового содержания, то взамен такового и вышеупомянутых выдач натурою, за исключением 25 рублей на мелкие расходы, квартиры с отоплением и освещением, лошади для поездок и ухода,— одаренный обязан выдавать супругам Мартину и Эдде Межмал на их содержание ежемесячно по двадцать четыре рубля наличными деньгами. В случае смерти одного из супругов Межмал, переживший получает все содержание в полном размере»<sup>4</sup>. На этих условиях состоялась «передача одаренному предмета дара».

После заключения контракта отношения между вступившим в наследство сыном и отцом в разных семьях складывались по-разному. В одних семьях родители и семья женатого сына жили мирно и питались совместно, в других (как правило, в более зажиточных) отношения к старикам ограничивались лишь выполнением контракта, к чему наследники относились как к тяжелой обузе и с нетерпением ждали освобождения от нее. Нередки были случаи невыполнения сыном условий контракта, что приводило к судебным процессам. В этой связи весьма типичным для характеристики взаимоотношений сторон является шаг, предпринятый Мартином Межмалом. Не будучи уверен (из опыта подобных историй с передачей наследства) в порядочности сына по отношению к родителям, он, помимо заключения контракта, оформил через нотариуса пожизненный заклад сыном усадьбы и земельного участка ему (в сумме, равной расходам на содержание родителей, в расчете на двенадцать лет их жизни), а частично и сестрам. Приводим выдержку из документа: «В обеспечение выдачи содержания и уплаты наследственных долей, одаренный закладывает усадьбу Сталан и земельный участок супругам Мартину и Эдде Межмал в сумме тысячи пятисот рублей, Лотте Межмал в сумме пятиде-

<sup>4</sup> Автору была предоставлена владельцем документа Я. Межмалом возможность снять копию; она хранится в архиве Ин-та этнографии АН СССР. Подлинник составлен на русском языке с приложением перевода на латышский язык.

сяти рублей, Анне Межмал в сумме четырехсот девяносто рублей и Либке Межмал в сумме трехсот девяносто рублей». Закладное право в пользу родителей, как оговорено в контракте, подлежало погашению только по представлении метрического свидетельства об их смерти, а в пользу сестер — по представлении их расписок о выплате им братом полагавшихся наследственных долей.

Не менее красноречив и другой документ — протокол Зельбургского волостного суда, датированный 2 декабря 1909 г. В суд обратилась крестьянка Селпилсской волости Ева Лауренц, требовавшая у сына, вступившего в наследство после смерти отца, доли наследства для нее и оставшихся при ней несовершеннолетних детей. Вопрос был осложнен тем, что владелец усадьбы (отец) умер скоропостижно, не успев оформить с сыном контракта. Воспользовавшись этим обстоятельством, сын, вступив в наследство, фактически поставил мать и младших брата и сестру в положение бесправных батраков и отказывался выделить им полагавшиеся доли наследства. Это и привело к судебному разбирательству. Ниже приводится отрывок из протокола суда.

Наследник Карл Лауренц «договорился с матерью Евой Лауренц таким образом, что Ева Лауренц отказалась от наследственных прав в пользу сына Карла Лауренц как от движимого, так и недвижимого имущества, оставляя в свою собственную вечность только свое приданое, каковое ныне признается собственностью, а именно: один ящик и один шкаф, но все остальное имущество признается собственностью наследника Карла Лауренца, за что Карл Лауренц обязуется содержать мать как следует у своего стола и отпустить квартиру с отоплением в жилом доме, но в случаях исключения при одном столе выплачивать ежегодно 50 руб. на содержание, тогда мать обязана кормиться отдельно от стола хозяина. Кроме того, мать получает ежегодно как пособие по 10 рублей и одну выкормленную хозяином корову для своего пользования и в том случае, если содержащаяся у стола хозяина, т. е. 10 руб. деньгами и одна корова, выкормленная хозяином, отпускается ежегодно, несмотря на соглашение или несоглашение матери с сыном, а равно одну овцу хозяин имеет содержать и кормить и выпастить, имеет давать 20 фунтов льна и в комнатах нужное освещение — на это мать приняла его предложение и отказалась от наследственного права и сын, наконец, обязался поставлять 10 раз в год матери лошадь для поездок... Наконец, мать Ева Лауренц после смерти уже ныне объявила свое оставшееся имущество собственностью Карла Лауренца, который за то обязан как следует похоронить свою мать»<sup>5</sup>.

В дополнение нам хотелось бы привести еще один, весьма характерный факт, сообщенный нам в 1957 г. крестьянином С. (Екабпилсский р-н). Хозяйство его отца, владевшего хутором площадью около 20 га, было обременено большими долгами и подлежало продаже с молотка. Выручить отца согласился старший сын; он выплатил задолженность и предотвратил тем самым продажу. «Но отец с матерью и младшими детьми, — пояснил нам С., — должен был, конечно, после этого уйти из хутора, так как хозяином его стал мой брат. Мы поселились в маленькой избушке, переделанной из бани, которую брат разрешил нам поставить на отдаленно расположенном небольшом клочке земли. Так мы попали в число безземельных».

Приведенные выше документы, к которым крестьяне прибегали при передаче наследства, равно как и факт оказания сыном «помощи» стоявшему на грани разорения отцу, не представляют какого-либо исключения. Они полностью характеризуют существо взаимоотношений, сложившихся к концу XIX — началу XX в. в группе крестьян-собственников между родителями и их взрослыми детьми.

Отношения между братьями и сестрами еще в родительском доме скла-

<sup>5</sup> Протокол предоставлен автору одним из членов семьи Лауренц. Копия его хранится в архиве Ин-та этнографии АН СССР. Составлен на русском языке.

дывались по-разному, в зависимости от возможных прав того или другого из них на наследство. Будущего наследника — старшего брата — в семье побаивались, перед ним заискивали. Это наблюдалось и со стороны соседей. Будущий хозяин почитался в округе. Избранная отцом наследница-дочь находилась в центре внимания. Остальные дети заранее знали свою участь — искать заработка на стороне или оставаться в хозяйстве брата на положении бесправных батраков.

Взаимоотношения мужа и жены, их роль в хозяйстве и в семье также в значительной мере определялись их отношением к собственности на землю и недвижимое имущество. Главой семьи фактически являлся тот из них, кто считался собственником хутора, т. е. на чье имя было оформлено наследство.

Положение невестки в семье мужа определялось тем, кто стоял во главе хозяйства. Если это был свекор, то она, как и ее муж, должна была во всем исполнять волю родителей мужа. Если в наследование имуществом вступал муж, положение ее в семье менялось: она становилась хозяйкой, а родители мужа попадали в зависимое положение, которое все более усугублялось по мере приближения их к потере трудоспособности. Примером служит судебный процесс в семье Лауренц, вызванный тем, что именно невестка не разрешала своему мужу выделить его матери и младшему брату и сестре полагающиеся им доли имущества. В случае смерти своего мужа невестка теряла свои прежние права и вновь попадала в зависимое от его родственников положение. Если вдова не имела детей, родственники ее покойного мужа могли ее просто выгнать из усадьбы, что обычно и делалось. Собственностью ее считалось только приданое. Если у вдовы оставались дети, то она жила с ними и считалась хозяйкой до достижения ими совершеннолетия. Но независимо от этого родственники ее покойного мужа назначали опекунов над малолетними детьми (пример семьи Лауренц).

Родственники мужа относились очень неодобрительно к тому, чтобы вдова выходила замуж за постороннего семье человека. Стремясь предотвратить это, они спешили женить на ней кого-либо из ближайших родственников умершего, чаще — его брата. Если невестка все же выходила замуж за человека, чужого для этой семьи, и имела от него затем детей, то эта новая семья имела право пользоваться землей и имуществом умершего первого мужа только временно — до достижения совершеннолетия старшим сыном от первого брака. Далее все зависело от его воли. В пределах указанных волостей нам известны случаи, когда матери, отчиму и их детям приходилось покидать усадьбу, где вступал в свои права новый молодой хозяин, а также случаи, когда матери и ее новой семье старший сын выделял маленький клочок земли где-либо на сенокосе, где они ставили себе избушку. Дети от второго брака не пользовались никакими правами на имущество их сводного брата.

Положение зятя-примака — было еще хуже, чем положение невестки. В латышском языке для зятя существовало два термина: более почетный «знотс» (znots), если дочь уходила в дом его родителей, и «иегатнис» (iegatnis), имевший некоторый оттенок презрительности и употреблявшийся по отношению к зятю, который поселился в доме тестя, где жена должна была наследовать усадьбу. Иегатнис не только не имел никаких прав на землю, но вынужден был постоянно терпеть попреки от родителей жены и от нее самой за то, что он принят в хозяйство. Каждый в семье позволял себе беззастенчиво командовать им, «а если не нравилось, — рассказывали нам информаторы, — примак мог уйти с чем пришел». В народе жили различные меткие остроты по поводу положения примак в семье. Так, о примаке говорили: «В пасху все идут в церковь, а примак остается дома оплакивать свою жизнь»; или: «Чтобы решиться пойти в примак, надо сначала сесть на сутки на муравейник: если вытерпишь, — можешь рискнуть».

Единственным способом изменить свое зависимое бесправное положение в семье для примака было выкупить у тестя землю и недвижимое имущество, которое тот предполагал передать впоследствии в наследство своей дочери (жене примака). В этом случае примак превращался в собственника усадьбы, главу семьи,— в уважаемого владельцами других усадеб человека. Однако это представляло собой исключение, так как в примаки шли обычно те из крестьян, кто уже не рассчитывал завести свое хозяйство. При существовавшем порядке наследования примачество было частым явлением.

В выборе невесты (жениха) в районах, где население в основном придерживалось лютеранской религии, молодежи предоставлялась значительно большая свобода, чем в районах, населенных католиками. Но в том и другом случае брак обуславливался имущественным положением сторон и поэтому обычно заключался по расчету. Семидесятилетняя колхозница Д. сообщила мне, что когда в начале 1900-х годов сын одного богатого крестьянина женился на дочери безземельного крестьянина, «об этом говорила вся волость». Аналогичный случай рассказала мне колхозница Ю.— дочь бывшего малоземельного крестьянина. В молодости ее полюбил парень из соседнего хутора, родители которого хотя и являлись тоже арендаторами, но были во много раз обеспеченнее ее семьи. Они категорически возражали против женитьбы своего сына на этой девушке именно потому, что она из бедной, полубатрацкой семьи. Парень, вопреки их воле, все же женился, но вынужден был уйти из дома к родителям жены, так как его родители не хотели признать невестку и взять ее к себе. Только по прошествии многих лет родителям в силу ряда причин (главным образом в связи с наступившей старостью) пришлось просить сына вернуться в свой дом, но свекровь до самой смерти не хотела признать невестку и старалась всеми способами подчеркнуть это.

При решении вопроса о женитьбе или замужестве детей родители всякий раз взвешивали: не принесет ли это ущерба хозяйству. Пожилой крестьянке А. в молодые годы пришлось лишиться жениха, которого она очень любила, так как по требованию родителей он должен был жениться на вдове своего брата. Парень долго не соглашался, но отец предупредил его, что в противном случае он будет лишен всякого наследства. Страхась печальной участи многих безземельных, он подчинился воле отца.

Резюмируя сказанное о характере внутрисемейных отношений, необходимо еще раз подчеркнуть, что это относится главным образом к группам имущих крестьян. В среде беднейшего, безземельного крестьянства и особенно в среде батраков решающую роль как при заключении браков, так и во взаимоотношениях членов семьи играли преимущественно мотивы личной привязанности. Браки по расчету встречались в этой среде скорее как исключение и были большей частью «нравными» в отношении возраста брачующихся.

Тяжелым последствием капиталистического строя явился высокий процент несемейных среди батраков и батрачек. Их число с каждым годом все возрастало, так как семейным батракам чаще и чаще отказывали в работе, предпочитая холостяков и незамужних.

Не менее характерными явлениями были тогда малодетность, бездетность и значительное число внебрачных детей. В семьях зажиточных крестьян уже в те десятилетия супруги часто сознательно ограничивали рождаемость, с тем чтобы их потомство могло удержаться в пределах своей социальной группы, а не пополняло ряды безземельных. Перед малоимущими крестьянами постоянно вставал вопрос не только о будущем детей, но и о том, как их прокормить и где их разместить. Печальным «разрешением» этого являлась высокая детская смертность. «Я постоянно призывала смерть моим детям — рассказывала о своем жизненном пути 89-летняя Анна Д.— Двадцать пять лет мы проработали с мужем у пастора и дальше исполщиков не выбились. Всю жизнь терпели нужду и

лишения, не имели своего угла, и дети наши с малых лет работали на чужих. Я не сожалела, а даже радовалась, когда дети мои умирали маленькими. Впереди у них была тяжелая жизнь». По этой же причине некоторые супружеские пары из среды батраков и безземельных крестьян предпочитали вовсе не иметь детей. Категорию внебрачных детей в основном составляли дети батрачек. Часть батрачек, не надеясь на устройство нормальной семейной жизни, сознательно обзаводились детьми; других батрачек принуждали к сожителю хозяева. Рожденных вне брака в крестьянской среде легко можно было узнать: по существовавшему обычаю, им присваивали отчество по имени матери, например, Иван сын Анны, Мария дочь Марты и т. п.<sup>6</sup>

\* \* \*

Изменившиеся в годы буржуазной диктатуры социально-экономические условия жизни латвийского крестьянства пагубно отразились и на семейном быте. С ростом господства капитала и резко возросшим социальным и имущественным неравенством крестьянства многие и ранее наблюдавшиеся отрицательные явления в семейном быту настолько усилились, что это уже не только осложняло внутрисемейные отношения, но нередко приводило к прямому разложению семьи.

Это сказалось прежде всего на падении численного состава крестьянских семей, что было вызвано искусственным ограничением рождаемости. Этот процесс, начавшийся в среде латвийского крестьянства еще в начале XX в., резко усилился в годы буржуазной диктатуры. Он захватил все социальные группы крестьянства, но вызывался, как и ранее, различными причинами.

Подтверждением сказанному служат материалы проведенной автором посемейной переписи, а также сообщения многих информаторов. Подсчет численного состава семей показал, что в подавляющем большинстве семей, образовавшихся в 1920—1930-х гг. было не больше двух детей. Наличие троих детей являлось большим исключением и обращало внимание окружающих. Из бесед с женщинами-крестьянками удалось выяснить, что они сознательно прибегали к самым различным средствам для предохранения от беременности или для перерыва беременности. Женщину, родившую более двух детей, порицали, считали ее некультурной и безрассудной.

Наряду с малодетностью имелся значительный процент бездетных семейных пар. 70-летний колхозник Р. на вопрос — есть ли у него дети, ответил мне: «Нет, не было и не могло быть. Не до детей нам было. До сорока лет скитались с женой по углам, батрачили. Потом получили землю по буржуазной реформе — пока пни корчевали да землю поднимали, надорвались и состарились...». Аналогичные ответы нам приходилось получать и от многих других, в прошлом безземельных крестьян.

Взгляд на брак как на экономическую сделку приобрел в эти годы еще большее распространение. Сельская буржуазия старалась использовать браки своих детей как средство для укрепления связей с торгово-ростовщической и финансовой буржуазией города. Эти браки считались наиболее выгодными. Вступление в брак представителей разных классов или разных социальных групп внутри деревни представляло собой редкое исключение и влекло серьезные осложнения во взаимоотношениях с родителями, вплоть до лишения наследства. Так поступили, например, вла-

<sup>6</sup> Сказанное выше о внутрисемейных отношениях и некоторых чертах семейного быта латышского крестьянства, характерных для конца XIX — начала XX в., отражено в произведениях А. Упита. В наибольшей мере тема латышской крестьянской семьи раскрыта им в романе «Земля зеленая». Вопросы семейного быта, особенно тема о неравных браках, является также одним из центральных мотивов в творчестве другого латышского писателя — Р. Блаумана.

дельцы усадьбы В. (Екабпиллский район) со своим единственным сыном, которому полагалось быть наследником их имущества. Сын, вопреки запрету родителей, женился на работавшей в их доме батрачке. В ответ на это отец выделил ему лишь треть имевшейся в усадьбе земли, при этом самой неудобной, заросшей кустарником. Наследницей же всего своего имущества отец назначил дочь, которой подыскали в мужья подходящего по их понятиям человека. Подобный же случай произошел в 1936 г. в семье крестьянина З. (тот же район). Сыну, взявшему в жены батрачку, отец выделил лишь шестую часть земли, также самой плохой и разбросанной в четырех местах.

Еще более распространенным явлением в эти годы, чем прежде, стало заключение неравных браков. Мотивы при вступлении в брак были исключительно экономические. Примеры неравных браков могут быть названы и по Екабпиллскому району, но с наиболее ярко выраженным случаем неравного брака я столкнулась в Абренском районе. Мне пришлось познакомиться с 65-летним крестьянином К., в прошлом маломощным середняком, и его женой, которая была моложе его почти на 30 лет. В присутствии жены он объяснял мне: «Разве бы я, имея землю, взял себе в жены безземельную батрачку? Ни за что. Это вот уже старость заставила» (К. женился в 1938 г.). Когда муж вышел на улицу, жена его, заливаясь слезами, стала рассказывать о себе: «Ни у моего отца, ни у деда не было земли; отец умер рано, нас осталось у матери двое — я и брат. Все трое мы жили порознь, в батраках. Когда я выросла, мать почти уже не могла работать, болела. Натерпелись по чужим углам за свою жизнь, с большой матерью никто не хотел держать. Тут он посватался, — у него свой домик, хоть и небольшая, но своя земля, и мать мою он согласился к себе взять, и брата. Не хотела я идти за старика, да мать уговаривала очень, из-за нее согласилась. В прошлом году схоронила мать, а брат вскоре после моего замужества женился. Он, как и я, из-за земли пошел в примачи к женщине старше его на двенадцать лет».

Подобные неравные браки не представляли исключения и никого не удивляли. Экономический расчет при заключении брака глубоко проник в сознание частных собственников, они говорили об этом с поразительной простотой. Так, жительница Балвского района З. рассказывала мне, что в 1939 г., будучи еще совсем молоденькой девушкой, она была просватана за молодого парня, который ей тогда очень нравился. Незадолго до свадьбы она повстречала другого парня, и так как он пришелся ей больше по душе, то первому она отказала. На вопрос, как отнесся к нарушению данного ранее слова ее жених, она спокойно ответила: «А как он мог отнестись? Все расходы, которые он понес на угощение и подарки при сватовстве, я ему возместила». — «И он их принял?» — «Почему же ему не принять, раз он потратился напрасно. Я посчитала все в деньгах и передала деньги его сестре».

Размер приданого всегда учитывался стороной жениха. Выбор невесты с малым приданым нередко отклонялся родителями. А в случае бракосочетания об этом не забывалось. В одной крестьянской семье родители сына сетовали мне, что их невестка всем хороша — и красива и трудолюбива, но взята без приданого (сын их женился еще в 1938 г.).

В том же районе я познакомилась с молодой женщиной Х., вышедшей замуж вторично. «От первого мужа я ушла, не прожив с ним и года, — рассказывала она мне, — почти каждый день я слышала попреки от свекра за то, что у меня мало приданого, а особенно, что нет швейной машины. Не вытерпела я и пожаловалась отцу, он приехал и забрал меня домой» (в 1939). «А что же муж, не возражал?» — спросила я. «Нет, его сразу же женили на богатой невесте».

Во взаимоотношениях членов семьи в группах имущих крестьян в буржуазной республике Латвии еще резче и отчетливее, еще более оголенно выступал экономический расчет. Контракты между детьми и престарелы-



ми родителями были теперь главной формой их взаимоотношений<sup>7</sup>. Нарушение и невыполнение условий контрактов и тяжбы, возникавшие между взрослыми детьми и родителями, были в эти годы частым явлением. Тот же экономический расчет лежал и в основе взаимоотношений родных братьев и сестер, дядей и племянников и т. д. Так, крестьянин Г. (Екабпилсский р-н), будучи еще холостым, получил от отца хутор (68 га земли). Впоследствии он женился и перешел на жительство к жене, унаследовавшей в 1936 г. усадьбу своего отца. Тем не менее он не считал возможным безвозмездно поделиться своим состоянием с родными братьями, оказавшимися после смерти отца без земли. Он продал братьям унаследованную им одним землю отца; один из братьев заплатил ему за 4,8, другой — за 20 га земли.

Как и прежде, бесправным и шатким было положение зятьев-примачков в крестьянской семье. С горечью вспоминает, например, колхозник Р. (Екабпилсский р-н) о судебной тяжбе, возбужденной против него в 1936 г. его сыном. Р., в прошлом безземельный крестьянин, молодым ушел в примачки в довольно богатое хозяйство. Тесть владел 48 га земли, которые затем унаследовала жена Р. В годы первой мировой империалистической войны его жена умерла, оставив сына. Спустя некоторое время Р. женился вторично, родилась дочь. Родственники первой жены все время подговаривали сына Р. отнять у отца землю, так как тот был примачком и к тому же еще вторично женился. Вначале сын, будучи еще совсем молодым, не решался открыто предпринять против отца каких-либо шагов, но взаимоотношения их были напряженными. Несколько позднее, в 1930 г., уловив «подходящий момент», сын предъявил свои права на землю. «Я в то время сидел в тюрьме по подозрению в антигосударственной деятельности<sup>8</sup>, — вспоминает Р., — именно этим и воспользовался мой сын, чтобы отнять у меня землю». «Жизнь наша была невыносимой, — добавляет жена Р., — муж в тюрьме, осужден на семь лет, а сын, которого я фактически воспитала и которому я заменила мать, выгонял из дома меня и свою малолетнюю сестру». Состоялся суд. За сыном закрепили в собственности 30 га земли из 48 и только 18 га оставили отцу с его новой семьей.

Упрочение частной собственности и усиление конкуренции привели к ослаблению родственных связей, к крайнему сужению круга родственников, к скупому проявлению родственных чувств. Отрицательно сказалось это также на взаимоотношениях с соседями.

Взаимоотчужденность и замкнутость быта выразились, в частности, в обычае посещения родственников и соседей лишь по приглашению. Даже на похороны не полагалось приходить без приглашения. Добрососедские отношения поддерживались обычно с равными по имущественному положению, особенно в среде зажиточных крестьян. С остальными, как правило, старались встречаться вне своей усадьбы.

Установившиеся в буржуазной республике Латвии взаимоотношения крестьян (особенно в группе владельцев усадеб) в хозяйственной жизни — большая разобщенность, боязнь, в условиях жесточайшей конкуренции, потерять завоеванные позиции — определяли и взаимоотношения в повседневном быту. Каждого пришедшего по своей инициативе, без приглашения, в усадьбу соседа встречали обычно с нескрываемым удивлением и известной настороженностью: с какими намерениями он пришел, что он хочет увидеть или попросить. Разговор велся чаще на крыльце, в дом приглашать было не принято. «В первые годы после войны 1914 г., когда почти все оказались в равном бедственном положении, мы жили какой-то другой, необычной жизнью, — вспоминала крестьянка Э. (Екаб-

<sup>7</sup> Я не привожу выдержек из контрактов, так как по существу содержание их ничем не отличается от контрактов, заключавшихся ранее, до 1917 г.

<sup>8</sup> Т. е. в деятельности, направленной против фашистского режима. — Л. Т.

пилсский район).— Часто ходили друг к другу, т. е. в соседние хутора, вместе проводили свободное время. А когда поправили свои дела и зажили вновь как хозяева-собственники, отношения стали заметно изменяться. Каждый, как волк, стал озираться вокруг и видеть в другом такого же волка». У малоимущих крестьян это проявлялось слабее, ибо безысходность положения этой части крестьянства, находившейся в постоянной кабале, в известной мере сплачивала их. Вместе с тем конкуренция внутри этих групп крестьян лишала и их полной принужденности и искренности в общении друг с другом. Бытовые взаимоотношения сельскохозяйственных рабочих были в наибольшей мере свободны от экономического расчета.

Условия, в которых при буржуазном строе жило подавляющее большинство батрачества,— отсутствие своей семьи, полная изоляция в быту от их хозяев — увеличивали тягу к общению с людьми, равными по положению. Но возможности к такому общению были крайне ограничены. Заставляя работать батраков и батрачек в течение недели с раннего утра до позднего вечера, многие хозяева посягали и на их воскресное время или находили различные способы помешать их встречам с друзьями. «Наш хозяин,— вспоминает бывшая батрачка Г.,— не терпел, чтобы мы куда-нибудь ходили, и особенно, чтобы кто-нибудь приходил к нам. По воскресеньям он часто сразу после завтрака садился у поворота дороги к своей усадьбе и караулил, не идет ли кто-нибудь к нам. Он уже знал, с кем из соседних батраков или батрачек мы дружили. Увидев кого-нибудь из них, идущих в направлении к его усадьбе, он кричал: «Нет наших девок дома, давно уже ушли». А мы, бывало, посидим-посидим, подождем наших гостей, да так и останемся одни дома, ляжем спать. Уже потом, когда узнали про проделки хозяина, стали договариваться о встречах с друзьями где-либо на стороне».

Разница положения в обществе и семье, вызванная имущественным и социальным неравенством, сказывалась и в манере обращения крестьян друг к другу.

Крестьян — владельцев крупных хуторов ранее (в конце XIX — начале XX в.) принято было называть по их владению с добавлением слова «хозяин» — саймниекс (saimnieks), «хозяйка» — саймниесе (saimnieše), например «хозяин Бириней», «хозяйка Ришкан».

В годы буржуазной власти, когда, в связи с курсом правительства на аграризацию страны, сельская буржуазия в Латвии заняла особенно привилегированное положение, в ее среду проникла заимствованная из города форма обращения: «господин» — кунгс (kungs), «госпожа» — кундзе (kundze). К малоимущим крестьянам так никогда не обращались. Их называли обычно просто по фамилии или по названию их хутора, но без добавления «хозяин» и тем более «господин». Батраков, безземельных крестьян и издольщиков называли по имени, без фамилии. Если в округе были тезки, то обычно добавляли имя отца, например Петр сын Ивана, Анна дочь Ивана и т. д.

\* \* \*

Изучение современной колхозной семьи и изменений в семейном быту, вызванных установлением в Латвии Советской власти и победой колхозного строя, начато было мной с выяснения структуры и численного состава семей. Для этой цели было проведено анкетное посемейное обследование в пяти колхозах Екабпилсского р-на. Всего обследовано около 700 семей, в том числе 614 латышских (остальные — русские семьи). Указанные материалы помогли получить представление о численном, половом и возрастном составе семей, о числе поколений, количестве детей, национальной принадлежности, грамотности, роде занятий.

Анализ материалов по структуре и составу семей свидетельствует

прежде всего об их малочисленности<sup>9</sup>. Более чем в половине обследованных колхозных дворов живут лишь по два-три человека, в одной пятой дворов — одинокие колхозники. Другой отличительной чертой является крайне малое число семей в три поколения — около одной пятой общего числа и, наоборот, наличие довольно большой группы семей в одно поколение — около четверти всех колхозных семей, а в два поколения — несколько более половины.

При дальнейшем анализе материалов посемейных анкет было установлено, что собой представляет каждая из выделенных групп. Оказалось, что группа одиноких колхозников состоит в своем подавляющем большинстве из людей пожилого возраста: за незначительным исключением старше 45 лет (от 60 до 72 лет). Данные по половому составу и семейному положению выглядят следующим образом:

	Мужчин	Женщин
холостых и незамужних	14	47
вдовцов и вдов	2	44
разведенных	2	4
состоят в неоформленном браке, но считаются одинокими	5	5
-----		
Всего	23	100

Дополнительным опросом было установлено, что у 32 из 123 одиноких колхозников (или колхозниц) имеются взрослые дети, но они живут отдельно с родителями, в том числе у 15 человек — в этих же колхозах.

В группе семей в одно поколение преобладают супружеские пары. В некоторых случаях колхозные дворы, как оказалось, представлены не семьями, а совместно проживающими и ведущими общее хозяйство близкими родственниками. В большинстве случаев это — уже пожилые, но холостые братья и незамужние сестры. Из общего числа супружеских пар у 65 имеются дети, но они живут отдельно от родителей, в том числе в 23 случаях — в этих же колхозах. Остальные 44 супружеские пары бездетны.

В семьях, состоящих из двух поколений, это обычно родители и малолетние или несовершеннолетние дети (194 из 288 семей), в остальных 94 семьях это родители и их взрослые неженатые и женатые (замужние) дети. Во всех трех случаях, наряду с полноценными семьями (наличие обоих родителей), имеется много семей, где в живых налицо только мать, и некоторая, незначительная часть семей, где налицо только отец.

Семьи в три поколения состоят из супружеских пар (или одного из супругов), их малолетних детей и родителей (или одного из родителей, чаще матери). При этом обращает на себя внимание, что больше чем в половине случаев супружеские пары живут совместно с родителями жены (это связано отчасти с широким развитием в прошлом приматства).

Для подавляющего большинства обследованных семей характерна малолетность, в них обычно имеется один — два ребенка (около трех четвертей общего числа семей), реже — трое детей (около одной пятой семей) и лишь в незначительном числе семей имеется четыре, пять и более детей.

Приведенные данные анкетного обследования колхозных семей говорят о том, что в Латвийской ССР, где еще сравнительно недавно утвердился колхозный строй, крестьянская семья находится в переломной стадии своего развития.

<sup>9</sup> При проведении статистического обследования за единицу семьи принимался колхозный двор. Анализ материала показал, что в ряде случаев понятие семья и колхозный двор фактически не совпадали.

При преобладании новых начал в семейном быту, типичных для социалистического общества, обнаруживаются еще пережиточные явления, унаследованные от прошлого. Это, в частности, находит свое отражение в структуре и численном составе семей. К таким пережиткам прошлого относится прежде всего высокий процент среди колхозников одиноких, несемейных людей.

Сопоставление данных состава семей с данными социальной группировки крестьян в прошлом показало, что подавляющее большинство одиноких людей старших возрастов относятся к группе бывших безземельных крестьян и батраков, «осужденных» ранее в связи с безысходностью своего положения на безбрачие. Тяжелым наследием является и большое число бездетных и малодетных семей, а также семей, где из родителей налицо только мать. Это — или вдовы, мужа которых умерли в сравнительно молодом возрасте (в большинстве случаев от непосильной работы), или матери внебрачных детей<sup>10</sup>.

К переходным явлениям, несомненно имеющим отрицательный характер, относится дробление семей, сопровождавшее первый период коллективизации сельского хозяйства. Это нашло отражение в малом количестве семей в три поколения и в увеличении числа одиноких колхозников (преимущественно пожилых). При более детальном ознакомлении с составом колхозных семей нами было установлено, что фактическое положение далеко не всегда совпадает с юридическим оформлением и что в ряде случаев колхозники, выступающие как члены двух, а иногда и трех якобы отдельных колхозных дворов, представляют собой одну семью, состоящую из супружеской пары, детей и родителей или неполную семью, где отсутствует один из супругов или родителей. Все они в действительности живут в одной усадьбе, ведут сообща хозяйство, имеют общий бюджет и общий стол.

Такой фиктивный раздел семьи представлял собою в большинстве случаев не что иное как стремление недавних единоличников в обход Устава сельскохозяйственной артели усилить свое личное хозяйство. На подобные факты нам приходилось наталкиваться особенно часто в первые годы коллективизации, когда известная часть крестьян, поддаваясь агитации враждебных элементов о якобы непрочности колхозного строя, ориентировалась в основном на личное хозяйство<sup>11</sup>. Значительное число разделенных в те годы семей объяснялось и другими причинами: боязнью стариков-родителей оказаться в семье в экономически зависимом положении или обратным стремлением их взрослых детей снять с себя обязанности в отношении содержания престарелых родителей. Это с особой очевидностью выявлялось в семьях, где родители потеряли уже трудоспособность или где налицо один из стариков, чаще престарелая мать.

Тенденции к фиктивному разделу семей, наметившиеся в начальный период коллективизации, не встретили тогда решительного противодействия со стороны районных партийных и советских организаций, а также со стороны колхозного актива. В последующие годы, когда районные организации обратили на это серьезное внимание, было уже гораздо труднее ликвидировать последствия допущенных в свое время таких фиктивных разделов. В настоящее время, как можно судить хотя бы из обзора публикуемых материалов в районных газетах, такие разделенные семьи еще продолжают существовать, хотя эти случаи единичны.

Анализ материалов посемейных анкет указывает и на другие явления, которые имели место в переходный период в группе семей в три поколе-

<sup>10</sup> Женщины, мужа которых погибли на фронте в годы Великой Отечественной войны, составляют в данных колхозах сравнительно небольшой процент.

<sup>11</sup> Последнее находит свое подтверждение при сопоставлении с материалами посемейных анкет по группе рабочих и служащих, проживающих в данных сельских советах. В этой группе процент семей в три поколения значительно выше, ибо никаких экономических побуждений к разделу семьи не было.

ния. Довольно часты случаи, когда членами колхоза состояли лишь представители третьего, старшего, поколения, в то время как трудоспособные члены семьи, т. е. представители среднего поколения, не состояли в колхозе и работали где-либо на стороне. Характерно при этом, что в подавляющем большинстве случаев подобные факты имели место в семьях наиболее зажиточных крестьян, которые ранее, до коллективизации, не занимались приработками на стороне. Не трудно догадаться, что мы сталкиваемся здесь с обстоятельствами, аналогичными сообщенным выше. В одних случаях оформлялся фиктивный раздел с целью извлечения от пребывания в колхозе дополнительных экономических выгод. В других случаях, наоборот, семью сознательно оставляли неразделенной, благодаря чему удавалось пользоваться всеми преимуществами, предоставляемыми колхозом: правом на приусадебный участок, на содержание скота и пр. (так как старики-родители состоят в колхозе), и считать себя свободными от выполнения обязательств перед колхозом (так как сами не вступили в колхоз).

В первые годы коллективизации местными партийными и советскими органами также не было обращено должного внимания на недопустимость такого потребительского подхода к колхозу. В настоящее время с подобными случаями ведется борьба, поддерживаемая колхозным активом.

Новые, принципиально отличные от прежних условия жизни вызвали ряд совершенно иных, положительных явлений в семейном быту. Так, собранные нами сведения о лицах, вступивших в брак после 1940 г., показали, что одновременно с проведением советской земельной реформы происходил интенсивный процесс образования новых семей, в значительной степени — из числа бывших одиноких батраков и батрачек или безземельных крестьян, которые получили при Советской власти землю. Характерно, что в первые годы Советской власти, т. е. до начала коллективизации, при заключении браков еще строго сказывалась прежняя социальная обособленность (бывшие батраки женились на бывших батрачках); позднее, с упрочением колхозного строя, это потеряло значение.

Сопоставление данных о возрасте лиц, вступивших в брак в годы буржуазной диктатуры в Латвии и ранее, до 1917 г., с данными после 1940 г. показало, что среди вступивших в брак в первые годы установления Советской власти брачный возраст был еще высоким. В последующие годы возраст брачующихся заметно понизился: для мужчин — 24—25 лет, для женщин — 21—23 года.

В обследованных районах нами не зафиксировано с этого момента ни одного случая неравного возраста брачующихся; наоборот, известны случаи расторжения по инициативе более молодого из супругов таких браков, заключенных ранее.

Данные о количестве детей показывают, что бездетные пары представляют теперь крайне редкое исключение. За последние годы, по данным, собранным нами в Екабпилском районе, наблюдается увеличение числа многосемейных. Например, в семье тракториста Ч. шестеро детей, старшему из которых 19 лет, а младшему два года; в семье бригадира одного из пяти обследованных колхозов Г. (бывшего батрака, получившего землю по советской земельной реформе) четверо детей, из них старшему 14 лет; в семье колхозника Б. (бывшего безземельного крестьянина — кузнеца) трое детей, из них старшей дочери 11 лет, и т. д. Отношение к многодетности еще различно.

Одни крестьяне говорят: «Теперь хлеба хватит и жить легче, надрываться на работе, как нам, им не придется; почему же не иметь детей?». Другие осуждают многосемейных, считают это проявлением некультурности.

Данные анкетных посемейных обследований и обзор похозяйственных книг сельских советов позволяют также нам осветить вопрос об от-

ношении к смешанным бракам и о национальном самосознании крестьян. Материалы показывают, что в волостях с преобладанием коренного латышского населения смешанные браки (латышей с русскими) составляли как до 1917 г., так особенно в годы буржуазной диктатуры, исключение. В большинстве случаев это имело место в среде неимущего латышского крестьянства, особенно той его части, которая уходила на отхожие промыслы в города внутренних губерний России, откуда некоторые привозили русских жен. Часть смешанных браков заключена в годы первой мировой империалистической войны латышскими крестьянами в эвакуации. В волостях с населением, смешанным в национальном отношении, браки представителей разных национальностей, в том числе латышей и русских, до 1917 г. были довольно частым явлением<sup>12</sup>. В годы буржуазной диктатуры такие случаи и в этих волостях стали составлять исключение. Причины этого до 1917 г. и в годы буржуазной диктатуры были различны. Если в первом случае главным препятствием к заключению смешанных браков было различие в вероисповедании, то во втором случае, особенно после установления фашистского режима и широкой пропаганды расистских членоконенавистнических «теорий», на первое место выдвигались различия в национальной принадлежности. В большинстве случаев зафиксированных нами смешанных браков, заключенных до 1940 г., один из супругов (чаще жена) «менял веру» перед бракосочетанием. Особенно строго это соблюдалось в волостях с католическим населением. Это в равной мере относится и к 1940 г. и к первой половине 1941 г., когда в Латвии только что вновь установилась Советская власть, а также к годам Великой Отечественной войны и к первым послевоенным годам. Весьма показательны для понимания национальных взаимоотношений населения данные о национальной принадлежности членов семьи в смешанных семьях. Проведенный автором учет показал, что решение вопроса о национальной принадлежности очень часто ставилось в зависимость от политической обстановки. Не случайно поэтому пришлось столкнуться с таким, на первый взгляд странным, явлением, когда в одних и тех же смешанных семьях дети от одних и тех же родителей одни записаны русскими, а другие латышами.

По мере упрочения нового, советского общественного строя изживаются и эти отрицательные черты семейного быта, оставшиеся в наследие от прошлого. Во многих колхозах республики, в самых различных районах встречаешь сейчас немало смешанных браков, причем молодую пару при вступлении в брак не смущает ни то, что они принадлежат к разным национальностям, ни различие в религиозной принадлежности их родителей. В виде примера назовем семью колхозника Ш. (Прейльский р-н). Самому ему сейчас 60 лет, по национальности он латыш, по вероисповеданию католик. Находясь в первую мировую империалистическую войну в Смоленской губернии, он женился там на русской крестьянке. По приезде в Латвию жена перешла в католическую веру. Сын их считался латышом-католиком. Недавно (в 1954 г.) он женился на русской девушке из старообрядческой семьи. Они не венчались, и она уже не стала переходить в католическую веру. Сына своего считают латышом. Брат жены Ш., приехавший к ней из Смоленской области, женился в Латвии на латышке. Во всех трех семьях в ходу и латышская, и русская речь.

Изучение современной колхозной семьи не может быть, конечно, ограничено лишь данными анкетных обследований. Большое место занимают личные наблюдения этнографа, опрос информаторов и т. д. Пользуясь этим методом, автор собрал сведения, характеризующие и другие стороны семейного быта, в частности материал — отражающий изменения внутрисемейных отношений.

С победой колхозного строя были внесены коренные изменения в по-

<sup>12</sup> Исключение составляют селения с русским населением из старообрядцев, где изоляция в быту держалась особенно стойко.

рядок наследования и имущественные права членов семьи. Колхозный двор представляет собой, как известно, коллективную собственность всех членов семьи. Раздел или продажа имущества могут быть осуществлены только с общего согласия. Кроме того, основным источником дохода является не приусадебное хозяйство, а участие в общественном труде в колхозе, что в еще большей мере обеспечивает каждому из членов семьи равное, экономически независимое положение. Таким образом, созданы благоприятные условия для изживания частнособственнической психологии, лежащей в основе внутрисемейных отношений у крестьян-единоличников.

Процесс этот сложный, протекает он медленно, ибо связан с изменением психологии людей, с ломкой старых устоев, традиций, но результаты его уже заметны.

Так, полностью изжит обычай заключения письменных контрактов между родителями и взрослыми детьми. В подавляющем большинстве зафиксированных нами случаев престарелые родители (или один из них) спокойно доживают до конца своих дней в семьях замужних или женатых детей, окруженные их заботой и вниманием.

В виде исключения встречаются, однако, случаи, когда взрослые дети, имеющие свою семью, но живущие совместно с престарелыми родителями (чаще — с матерью), считают для себя обременительным содержать их и обращаются в колхоз с требованием оказать материальную помощь их родителям, хотя в этом вовсе нет необходимости (эти же мотивы лежат отчасти в основе противодействия со стороны отдельных отсталых колхозников ликвидации фиктивных разделов семьи). Подобные факты, являющиеся прямым отголоском недавних взаимоотношений между родителями и взрослыми детьми, культивировавшихся при капитализме, вызывают теперь общественное порицание, что свидетельствует об их изживании.

По-новому складываются отношения между братьями и сестрами. Сознание того, что никому из них в семье не создается привилегированного положения будущего наследника и что всем остальным не предстоит поэтому вынужденно оставить родительский дом, порождает между ними бескорыстные прочные родственные взаимоотношения. Нам приходилось наблюдать многие семьи, в которых молодое поколение, в отличие от прежнего положения в семьях, представляло собой сплоченный родственник коллектив, где всем одинаково дороги и близки интересы и благополучие каждого из его членов.

Неузнаваемо изменилось отношение в семьях к зятям. Понятие—«иегатнис» (примак) утратило прежнее значение. В условиях колхозной действительности появилась большая заинтересованность в том, чтобы члены семьи, достигшие трудоспособного возраста, не уходили из семьи. Поэтому вошедшего в семью зятя теперь встречают с большой радостью и относятся к нему с уважением. Мною записан рассказ о своей семье колхозника В. (Екабпилский р-н): «Зять у меня хороший, работает в полевой бригаде, менее 400—500 трудодней в год не вырабатывает. И в своем хозяйстве все успевает сделать. В колхозе его уважают, его имя не сходит с доски почета. А дочке моей,— добавил он, улыбаясь,— не пришлось над мужем покомандовать, не те времена настали. Он хоть и зять, а уже не примак. Женились они в первый год организации колхоза. Права у них все были равные. А если бы прежнее время, она — хозяйская дочь, единственная наследница, а он — безземельный крестьянин. Плохо бы ему пришлось в такой семье».

Известным напоминанием о бесправном положении примак в недавнем прошлом является несовпадение, в представлении многих колхозников, понятий главы семьи и главы колхозного двора. Главой семьи во всех случаях (исключая семейства вдов) является мужчина, однако главой колхозного двора довольно часто считается женщина. Выяснилось,

что это — бывшие единоличные хозяйства, где мужья были прикажами. Вступая в колхоз, жены старались сохранить за собой свое прежнее положение главы хозяйства. В последующие годы новыми молодыми супружескими парами это обстоятельство уже не учитывалось.

Коренные изменения произошли в положении крестьянки. Экономическое равноправие, обеспечиваемое женщине в колхозе, явилось в ходе коллективизации большой притягательной силой. В одном из сельских советов Балвского района летом 1949 г. мне пришлось познакомиться с пожилой крестьянкой К., которая обратилась с просьбой помочь ей вступить в колхоз. «Всю жизнь я страдала от несправедливости. Хочу теперь пожить вольно», — пояснила она и сообщила далее следующее: «В браке состою третий раз и каждый раз выходила замуж из-за нужды. Мужья были старше меня на 20—25 лет. Теперешнему мужу 83 года, а мне 58. Живу с ним девять лет. Была безземельная, батрачила, скиталась по чужим углам. Ждала от замужества лучшей доли. Но не посчастливилось. Мужья вскоре умирали, а их родственники оба раза прогоняли меня из хутора. Таков был порядок. Вот и на этот раз случилось бы так же. Муж уже глубокий старик. После его смерти мне пришлось бы опять искать пристанища, если бы не изменилась так жизнь». Несчастной женщине и при вступлении в колхоз пришлось столкнуться с неожиданным препятствием. В правлении только что организованного тогда колхоза орудовали враждебно настроенные кулаки. Возвращая заявление, один из членов правления «пояснил»: «Не нужны нищие в колхозе». Они отказали ей в этом по тем мотивам, что она состоит в незарегистрированном браке, а своего хозяйства не имеет. Конечно, вскоре она добилась принятия ее в колхоз. Мне пришлось встретиться с ней год спустя. Она усердно работала в колхозе, охотно выполняя различные посильные ей по возрасту работы и не могла скрыть своей радости, что дожила до такого времени, когда ее никто уже не может лишить крова или оставить без средств к существованию.

В данном случае речь шла о пожилой уже женщине, а скольких женщин ждала бы подобная участь, если бы продолжалось еще господство буржуазии! Вот почему большинство крестьянок Латвии очень скоро оценило преимущества колхозного строя. Они заняли видное место в общественном труде и в руководстве отдельными участками колхозного хозяйства, что в свою очередь поставило их в принципиально иное положение в семье и обществе.

Колхозный строй вырастил целую плеяду замечательных людей, среди них немало женщин. В Латвийской ССР всем известно имя прославленной доярки колхоза «Копдарбис» Гулбенского района М. А. Семуле, дважды Героя социалистического труда, из года в год обеспечивающей рекордно высокие надои молока (в 1957 г. ею надоено по 5844 кг молока от каждой коровы). В числе двадцати человек передовиков сельского хозяйства, удостоенных в феврале 1958 г. звания Героя социалистического труда, восемь женщин. Среди 2003 колхозников, работников МТС и совхозов, специалистов сельского хозяйства, партийных и советских работников Латвийской ССР, награжденных в 1958 г. Президиумом Верховного Совета СССР орденами и медалями за успехи в развитии сельского хозяйства, около половины — женщины. Многими из них (кроме самых молодых) пройден тяжелый жизненный путь.

С победой колхозного строя заметно изменились отношения между колхозниками в быту. Частная собственность и специфика труда в единоличном хозяйстве разобщали людей, коллективная собственность на основные средства производства и общественный труд спаяли их в настоящее время в дружный коллектив. Наиболее дружественные отношения складываются между колхозниками, непосредственно общающимися в труде или общественной работе: между членами полеводческих бригад, работниками животноводческих ферм. Так, однажды мне пришлось при-



существовать в качестве гости в одном колхозе на званом ужине доярок, устроенном ими в складчину в ознаменование окончания работ по сооружению в животноводческой ферме водопровода. В другой раз я была приглашена колхозниками полеводческой бригады колхоза провести с ними день отдыха в районном парке культуры.

Сближению колхозников в быту значительно способствует и происходящее в Латвии переселение из хуторов в колхозные поселки. Теперь, как нам приходилось наблюдать, уже ни у кого не вызывает удивления или настороженности приход в дом соседа или какого-нибудь другого колхозника. Его приветливо принимают, приглашают пройти в комнаты, предлагают посидеть, поговорить. Колхозники, имеющие радиоприемники, а теперь в последнее время и телевизоры, радушно приглашают соседей послушать концерты, посмотреть телевизионные передачи. Однако при всем этом еще стойко держатся старые традиции приходить на семейные торжества, а также и на похороны только по приглашению. Правда, принцип отбора приглашаемых изменился. Например, на свадьбу в большинстве случаев приглашают всю свою бригаду. Почетными гостями считаются председатель и секретарь сельского совета, совершающие акт регистрации брака. Без приглашения (как это было и раньше) принято приходить на именины (или день рождения) и на смотрины новорожденного. Навещают роженицу и новорожденного и приносят им подарки часто выделенные члены бригады, в которой работает отец или мать.

Утвердившейся формой обращения друг к другу стало «товарищ» — «биедрис» (biedris), «друг» — драугс (draugs), но наиболее часто называют друг друга полным именем, особенно если оба принадлежат к одному поколению. На собраниях нередко добавляют еще фамилию.

Черты нового семейного быта колхозников проявляются и в семейной обрядности. Не имея возможности, из-за недостатка места, коснуться в настоящей статье этих вопросов, укажем лишь на наблюдающийся отход от совершения религиозных обрядов. Религиозность латышских крестьян в районах с населением, придерживавшимся лютеранского вероисповедания, и ранее не была особенно высокой. В Советской Латвии, с ростом политической сознательности колхозников и повышением их общего культурного уровня, большинство прежних религиозных обрядов уже не выполняется. Проведенный нами учет по двум колхозам Екабпилсского района свидетельствует, что из тридцати двух молодых супружеских пар, вступивших в брак после организации колхоза, венчались в кирке только четыре, почти никто из них не крестил детей. Церковный брак стал большим исключением и в других колхозах. Иногда лишь можно услышать о том, что молодая пара по настоянию родителей после свадьбы обвенчалась все же на дому. В некоторых семьях, обычно опять-таки там, где есть представители старшего поколения, также на дому устраивают и крестины.

Подавляющее большинство молодежи отказалось и от обряда конфирмации. «Раньше в нашу кирку приезжали на конфирмацию по 90 человек в год, — рассказывала колхозница Д. (Екабпилсский район), — еще в годы немецко-фашистской оккупации конфирмировались по 20—25 человек, а в 1949 г. по всей большой округе набралось только 9 желающих, среди них из нашего колхоза не было никого». Число молодежи, исполняющей обряд конфирмации, действительно с каждым годом сокращается. Во многих районах республики теперь уже часты случаи, когда объявленные пасторами дни для конфирмации отменяются, так как никто не заявил о своем желании прибегнуть к выполнению этого обряда. Единственным обрядом, сохранившим свое религиозное содержание, является обряд поминовения мертвых, так называемый «капу святки». Но и его придерживаются преимущественно представители старших поколений.

\* \* \*

Охарактеризованные нами некоторые процессы перестройки семейного быта колхозного крестьянства Латвии имеют все перспективы для дальнейшего развития. Залогом этому является прочность победившего социалистического способа производства, размах культурного строительства и рост политической активности населения республики. Сельское хозяйство Латвии находится на подъеме. Из года в год растет производство продуктов животноводства, составляющих ведущую отрасль сельского хозяйства. Повышаются показатели по производству продуктов земледелия. Серьезное внимание уделяется улучшению кормовой базы<sup>13</sup>. Рост колхозного производства обеспечил рост денежных доходов колхозов. Если в 1949 г. в республике имелось только два колхоза-миллионера, то к 1956 г. их стало уже 312, в том числе некоторые колхозы с доходами, превышающими 2—3 млн. руб.<sup>14</sup>. За последние четыре года доходы колхозников на трудодни в среднем по республике увеличились примерно в два раза. Подавляющее большинство колхозного крестьянства Советской Латвии теперь живет зажиточно. Неуклонный рост материального благосостояния колхозников, уверенность в завтрашнем дне будут в дальнейшем в еще большей мере способствовать изживанию в семейном быту многих отрицательных черт, порожденных капитализмом.

В настоящее время колхозное крестьянство активно участвует в политической жизни страны. Многие колхозники и колхозницы являются депутатами сельских советов, а некоторые из них — депутатами республиканских и верховных органов Советской власти. Ярким выражением роста политической зрелости передовой части крестьян является их стремление вступить в ряды Коммунистической партии. При каждом из колхозов республики теперь уже имеются партийные организации. Значительно выросли по своему численному составу комсомольские колхозные организации. Колхозники живо интересуются событиями внутренней и международной жизни. Свидетельством этого, в частности, служат данные о подписке на газеты (например, в обследованных нами сельских советах Екабпилсского района подписчиками газет являются 99% к общему числу колхозных дворов, причем 70% выписывают по 2—3 газеты). Регулярное чтение газет стало потребностью колхозников. Громадную воспитательную роль играет радио. Радиофикация, несмотря на трудности, связанные с временным сохранением хуторской системы расселения, осуществлена во всех колхозах республики. В некоторых колхозах, помимо этого, имеются свои трансляционные узлы. Программы радиопередач включают и тематику, непосредственно относящуюся к вопросам, связанным с жизнью советской семьи. Некоторые из этих вопросов — роль родителей в воспитании детей, поведение детей в школе, — затрагиваются и в передачах колхозных трансляционных узлов.

Не меньшее воспитательное значение имеют большие успехи, достигнутые в сравнительно короткий срок в росте общего культурного уровня латышского крестьянства. Приведем лишь некоторые данные. Декларированное буржуазным правительством обязательное 6-летнее образование фактически не выполнялось; число оканчивающих 6-летние школы не превышало 35% детей школьного возраста.

В Советской Латвии уже несколько лет назад достигнут стопроцентный охват детей семилетним обучением. Большая часть молодежи из числа оканчивающих семилетнюю школу продолжает свое образование. Так, проведенный автором учет по трем сельским советам Екабпилсского района показал, что после семилетней школы продолжает учиться около 98% сельской молодежи. Большинство из них овладевает той или иной

<sup>13</sup> Я. Калнберзин, Сельское хозяйство Латвии на подъеме, «Правда», 17. II, 1958.

<sup>14</sup> Э. Вейс и В. Пурин, Латвийская ССР, М., 1957, стр. 211.

сельскохозяйственной профессией и остается в сельской местности, где ощущается острая потребность в специалистах. Помимо специалистов сельского хозяйства, в латвийской деревне значительно больше стало учителей, врачей, работников клубов, домов культуры, библиотек.

Новые черты в семейном быту проявляются особенно отчетливо в тех семьях, в составе которых (особенно за счет молодых пар) имеются представители охарактеризованной выше передовой части сельского населения. Браки между представителями сельской интеллигенции и крестьянства, что уже не составляет исключения, также совершенно новое явление.

Все это — и рост политической активности крестьянства, и повышение культурного уровня, и изменение состава сельского населения — способствует ломке старых устоев и ускоряет создание новой, советской семьи.